

В целом же Литомержице остался в стороне от главных событий гуситской эпохи. В дальнейшем, по крайней мере, в течение XV – XVII вв., город продолжал принадлежать к числу крупных городских центров, являясь местом рождения выдающихся произведений чешского искусства (живопись Мастера Литомержицкого алтаря [7, с. 244–245], архитектурные памятники чешского Ренессанса [6, с. 120, 162; 3, с. 361]), крупным очагом книгопечатания. Понеся значительный урон в годы восстания чешских сословий и Тридцатилетней войны, Литомержице получили определённый импульс для развития благодаря основанию в 1665 г. епископства.

Однако в XVIII – XIX вв. наметившаяся со второй половины XIV в. тенденция к замедлению темпов развития города сравнительно с более динамично развивавшимися городами как в других частях страны, так и на севере Чехии сохранилась и ещё более упрочилась, что обусловило постепенное превращение Литомержице в небольшой город, главным достоянием которого является сегодня богатейшее историко-культурное наследие.

1. Барлетт, Р. Становление Европы. Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры (950–1350) / Р. Барлетт. – М. : РОС-СПЭН, 2007. – 432 с.
2. Галямичев, А. Н. Две грамоты (привилегии) чешского короля Пржемысла Оттокара II городу Литомержице (1262) / А. Н. Галямичев // Средневековый город. – Саратов, 2009. – Вып. 20. – С. 246–252.
3. Дворник, Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации / Ф. Дворник. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 800 с.
4. Козьма Пражский. Чешская хроника / вступит. ст., пер. и коммент. Г. Э. Санчука. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 296 с.
5. Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника / пер. В. С. Соколова. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 330 с.
6. Маца, И. Л. Архитектура Чехословакии. Исторический очерк / И. Л. Маца. – М. : [Госстройиздат], 1959. – 304 с.
7. Поп, И. И. Искусство Чехии и Моравии IX – начала XVI века / И. И. Поп. – М. : Искусство, 1978. – 256 с.
8. Codex diplomaticus et epistolarius regni Bohemiae / ed. G. Friedrich. – Pragae, 1904. – Т. I. – 568 s.
9. Codex diplomaticus et epistolarius regni Bohemiae / ed. G. Friedrich. – Pragae, 1912. – Т. II. – 574 s.
10. Codex juris municipalis regni Bohemiae / ed. J. Čelakovský. – Pragae, 1895. – Т. II. – 1296 s.
11. Dějiny města Litoměřic. – Litoměřice, 1997. – 479 s.
12. Mareš, J. Magdeburské právo ve městech severozápadních Čech v přehusitské době / J. Mareš. – Praha, 2008. – 185 s.
13. Spěváček, J. Karel IV. Život a dílo [1316–1378] / J. Spěváček. – Praha, 1979. – 721 s.
14. Wyprawowani o złych létech po smrti krále Přemysla Otakara II // Fontes rerum Bohemicarum. – Praha, 1874. – Т. II. – P. 335–368.
15. Žebrova, M. Sakrální architektura a aglomerace středověkých Litoměřic / M. Žebrova. – Praha, 2014. – 61 s.

Сурга Е.Н.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ О СОСЛОВНЫХ ПРАВИЛАХ В ОДЕЖДЕ XIV–XV ВЕКОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГОРОДОВ И ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ (на примере Священной Римской империи)

В культурно-историческом контексте социальной истории, исследующей процессы городской социализации, эволюцию культурных традиций и ментальных структур, в последние годы уделяется особое внимание нормам и требованиям к одежде, возникавшим в европейских городах в период Позднего средневековья и раннего нового времени. Требования, формировавшиеся в городах Германии и касающиеся правил выбора и ношения одежды, обуви и украшений (Kleiderordnungen), были не только законами против роскоши, издававшимися в XIV–XVIII вв. городскими советами, они являлись также индикатором политического и экономического положения того или иного города и сословной группы. И с этой точки зрения, данные нормы и требования представляют собой важный исторический источник для изучения, в частности, процессов социально-имущественной дифференциации и маргинализации в урбанной среде, статуса различных профессиональных общностей, особенностей менталитета и социальной психологии, взаимоотношений субъекта и общества. С одной стороны, они демонстрируют этаблированную социальную стратификацию, а с другой, являются средством самоидентификации определенных общественных групп, профессиональных корпораций или конкретных лиц.

Постановления о сословных правилах в одежде были известны во Франции, в христианских государствах Пиренейского полуострова и городах Италии уже в XIII в. В XIV–XV вв., когда в городах Западной Европы сформировался слой влиятельного бюргерства, постановления о сословных правилах в одежде, называемые также законами против роскоши (Luxusgesetze), стали неотъемлемой частью городского законодательства в Германии. Почти каждый мало-мальски значительный город обладал как минимум одним законом, регулирующим одежду горожан [9; 13]. На территории Священной Римской империи их активное распространение начинается с середины XIV в. [5, с. 14], хотя первые постановления такого рода известны в немецких городах уже с XIII в. Причины этого были разнообразны.

В Позднее средневековье немецкое бюргерство не было однородным, оно подразделялось на различные социальные группы, отличавшиеся происхождением и родом деятельности, а также правами, к которым относилось в том числе ношение той или иной одежды [3, с.6] Социальная градация четко дифференцировала членов городского совета, купечество, ремесленников, городское плебейство и маргинальные слои. Одежда всегда была неотъемлемым элементом жизни людей и общества. О социальном положении и статусе человека можно было дополнительно судить по цвету и виду его платья. И прежде всего городская верхушка стремилась визуально подчеркнуть сословные различия при помощи одежды и тем самым сохранить своё привилегированное положение. Поэтому позднесредневековая городская среда создавала строгие правила в одежде для каждой корпоративно-профессиональной группы [3, с. 6]. Средневековое городское законодательство в Германии уже с XIV в. регулярно занималось кодификацией фасонов одежды, выбором тканей, цвета и украшений.

По своей сути городские постановления о сословных правилах в одежде являлись инструментом в руках городских властей в отношении подчинённого им бюргерства, позволявшим влиять на одежду горожан, т.к. она не только демонстрировала вкус или богатство человека, но и его социальное положение, а также порой и его нравственное состояние, религиозные представления и мышление.

С XV вв. вопросы, касающиеся правил и требований к одежде, обсуждались даже на рейхстагах Священной Римской империи. При этом только некоторые пункты касались феодальной знати (например, относительно одеяний из пурпура или меха горностая), основная же часть требований была направлена на ограничение подражания престижной придворной моде представителями неблагородных сословий [8].

Таким образом, одна из причин возникновения законов против роскоши в Позднем средневековье результировалась из желания социальных верхов подчеркнуть сословные различия, регламентировать одежду для поддержания и сохранения представления об иерархической картине мира и общества, пронизывавшей все сферы социальной жизни средневекового социума. Человек определял свою идентичность посредством своей одежды и деятельности с целью достижения соответствия выбору одежды социальному положению, иными словами для сочетания «внешнего образа и сословного бытия» („*Daz niemand vor den anderen trätzt / man ordnet mit gewant / jeden Mensch nach sinem stant*“) [7, с. 42].

Разрешения и запреты, фиксировавшиеся в городских постановлениях о сословных правилах в одежде, касались всех видимых элементов одежды. У мужчин это были плащи, сюртуки, кафтаны, камзолы, штаны, рубашки, обувь, головные уборы, ремни и португеи для ношения оружия, украшения и другие элементы моды, у женщин – соответствующие элементы верхней одежды и платья, за исключением нижнего платья и белья, не подпадавших под данные регламентации [6, с. 7].

В целях социальной дифференциации сословных групп регламентировалась не только одежда, но также вид и способ организации и проведения семейных или корпоративных празднеств, а также траурных церемоний. Городские постановления, касавшиеся свадеб, похорон, поминок и т.п., четко устанавливали, какие блюда должны быть на столе, сколько карет или повозок можно было использовать, какое платье было допустимо [4, с. 186], и даже статус и количество приглашённых гостей.

Социальный подъем и в еще большей степени снижение социального статуса, социальная деградация воспринимались представителями различных сословных групп крайне негативно и трактовались как нарушение богоустановленного порядка, как греховное деяние. Человеком строгих правил считался тот, кто одевался в соответствии со своим сословным положением; благопристойным был тот, кто не выходил за рамки сословно допустимого; а бережливым – тот, кто не тратил больше сословно-необходимого [12, с. 275.]. Этим объясняется постоянное присутствие во многих постановлениях о сословных правилах в одежде таких выражений как «установленный Богом порядок», и в целом лексики, напоминающей библейские проповеди [2; 10].

В течение первой половины XIV века, и особенно в результате эпидемий чумы 1348–1350 гг., сословия и сословные группы стали заново дефинировать свой статус. В результате сократившегося количества рабочих рук для многих ремесленных специальностей при сохранявшемся высоком спросе на них ремесленники и средние слои бюргерства пытались отвоевать больше привилегий и власти у традиционной знати и стремились использовать ситуацию для улучшения

своего положения и статуса, визуально демонстрируя достигнутый достаток и влияние при помощи роскошной одежды, и тем самым стирали или размывали невидимую границу между отдельными сословиями и сословными группами. Эта новая динамика внутри городской структуры, которая в возрастающей степени укреплялась в течение XV века, не нравилась влиятельной и властной старой городской верхушке – патрициату, который чувствовал угрозу своему положению и пытался путем соответствующих постановлений о сословных правилах в одежде исправить сложившееся «неподобающее» положение.

Одновременно с этим постановления городских властей призваны были предотвратить проблемы с долгами, возникавшие в результате стремления к чрезмерной роскоши в одежде [2; 10].

Еще одной причиной издания подобных городских положений было соблюдение нравственности и морали, идентификации маргинальных групп (представителей позорных профессий, иноверцев), регулирование корпоративных интересов (например, студентов и преподавателей или ремесленников) [8]. Постановления о правилах в одежде отражали углублявшиеся в XIV–XV вв. процессы социальной дифференциации и стратификации прежде всего в крупных городах на территории Священной Римской империи, предписывая ношение определённой стигматизирующей одежды или её отдельных элементов маргинальным группам (национально-религиозным меньшинствам, таким, например, как евреи [7, с. 42], представителями позорных профессий, например, палачам или проституткам и т.п.), чтобы их можно было легко отличить от добропорядочных горожан.

Городские постановления о сословных правилах в одежде были также направлены против демонстративно выставляемого на показ чувства корпоративной солидарности [8]. Так, например, Рейнский устав для наемных работников 1436 г. определял, что не более чем три подмастерья могут носить одновременно однотипные шаровидные шапки, рубахи, штаны или другие элементы одежды [11, с. 131–143].

В условиях отсутствия разделения между уголовным, гражданским и административным правом позднесредневековые постановления о сословных правилах в одежде, издававшиеся в городах Священной Римской империи, дошли до наших дней очень разрозненно и фрагментарно. Вследствие того, что для их соблюдения они должны были постоянно доводиться до сведения всех жителей городов, эти правила часто включались в тексты законов и постановлений, которые как минимум раз в год зачитывались на городских рынках (*die Bürgersprachen, Burspraken* или *Civiloquia*) [5, с. 19]. Кроме того, многие правила, касающиеся одежды, сохранились в сводах законов и постановлений городских советов, а также городских и ремесленных уставах, фиксировавших административную деятельность магистратов и профессиональных корпораций.

Немалая часть городских постановлений о сословных правилах в одежде сохранилась только в виде копий, содержание которых с течением времени многократно изменялось. При отсутствии указаний на источник реконструкция оригинала в таких случаях затруднена [5, с. 21]. Указания на утраченные постановления, касавшиеся одежды, порой также встречаются в таких нарративных источниках, как истории городов и хроники, которые не содержат самих правил, однако ссылаются на изданные в прошлом постановления и таким образом облегчают датировку и реконструкцию [5, с. 22]. Количество сословных требований и правил в одежде возрастает в Священной Римской империи к концу XV в. с ростом власти территориальных князей. В этот период и далее в XVI–XVII вв. они становятся составной частью, так называемых, *Polizeiordnungen* [1; 4, с. 223–224], издаваемых с конца XV – начала XVI вв. городскими властями правил и законов, регламентирующих вопросы общественного порядка, хозяйственно-правовые и уголовно-правовые аспекты.

1. Albrecht, R. *Kleiderordnungen in den deutschen Städten der frühen Neuzeit* [Электронный ресурс] / R. Albrecht // Wissen finden und publizieren. – 2000. – Режим доступа: <http://www.grin.com/de/e-book/2322/kleiderordnungen-in-den-deutschen-staedten-der-fruehen-neuzeit/>. – Дата доступа: 04.01.2017.
2. Bayerisches Hauptstaatsarchiv (HStA München). – Regensburger Kleiderordnung von 1485. Gemeiners Nachlaß K.16.
3. Borst, O. *Alltagsleben im Mittelalter* / O. Borst. – Frankfurt am Main: Insel-Verl., 1983. – S. 659.
4. Dülmen van, R. *Kultur und Alltag in der frühen Neuzeit* / R. Van Dülmen. – Bd. 2: Dorf und Stadt im 16. bis 18. Jahrhundert. – München: C. H. Beck, 1992. – 373 S.
5. Eisenbart, L. C. *Kleiderordnungen der deutschen Städte zwischen 1350 und 1700. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte des deutschen Bürgertums* / L. C. Eisenbart. – Göttingen, Berlin, Frankfurt: Mustersmidt, 1962. – 184 S.
6. Hasse, M. *Von der Mode und von Kleidern* [Электронный ресурс] / M. Hasse // Wissen finden und publizieren. Lübecker Museumshefte. Heft 11. – 1973. – Режим доступа: <http://www.grin.com/de/e-book/188077/machen-kleider-leute-kleiderordnungen-im-spaetmittelalter-und-deren-veraenderung/>. – Дата доступа: 10.01.2017.

7. Keupp, J. Die Wahl des Gewandes. Mode, Macht und Möglichkeitsinn in Gesellschaft und Politik des Mittelalters / J. Keupp // Mittelalter-Forschungen. Bd. 33. – Stuttgart: Thorbecke, 2010. – 341 S.
8. Kleiderordnung [Электронный ресурс] // Kleiderordnung - Mittelalter Lexikon
9. Режим доступа: <http://u01151612502.user.hosting-agency.de/malexwiki/index.php/Kleiderordnung/> – Дата доступа: 17.09.2016.
10. Kleiderordnungen [Электронный ресурс] // Verein Wienische Hantwërclute 1350. – Режим доступа: <http://wh1350.at/de/alltag-um-1350/kleiderordnungen-des-spatmittelalters-in-wien/> – Дата доступа: 17.01.2017.
11. Nowak, T. Die Regensburger Kleiderordnung von 1485 [Электронный ресурс] / T. Nowak // Reinis private Forschungen zur Geschichte Regensburgs. – Режим доступа: <http://reiniswelten.de/regensburg/historischeereignisseinregensburg/dieregensburgerkleiderordnungvon1485/index.html/> – Дата доступа: 04.01.2017.
12. 11.Reininghaus, W. Die Straßburger "Knechteordnung" von 1436. Ihre Entstehung und ihre Bedeutung für die Geschichte der Gessellengilden am Oberrhein / W. Reininghaus // Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins 126. Jahrgang / Hrsg. Von Kommission für geschichtliche Landeskunde in Baden-Württemberg. – Band. (Der neuen Folge 87 Band). – ZGORh 126 (NF 87). – Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1978. – 1. Auflage. – S. 131–143.
13. Schulze, W. Gerhard Oestreichs Begriff "Sozialdisziplinierung in der frühen Neuzeit" / W. Schulze // Zeitschrift für Historische Forschung. 1987. – Bd. 14. – S. 265–302.
14. 13.Vollbach, F. E. Von Kleiderordnungen und Dress-Codes [Электронный ресурс] / F. E. Vollbach // Sachsen-Lese. – Режим доступа: http://www.sachsen-lese.de/index.php?article_id=277/ – Дата доступа: 17.01.2017.

Доўнар А.Б.

З ГІСТОРЫІ ПАЎСЯДЗЁННАСЦІ.

МАЁМАСНЫ СТАН ВІЦЕБСКІХ КОННЫХ МЯШЧАН У КАНЦЫ XVI ст.

У гістарыяграфіі добра вядомы факт падзела віцебскіх мяшчан на паспалітых і конных (пасельскіх) [3; 4, с. 527–528; 5, с. 100–108, 120, 124; 8, с. 92]. Добра вядомы і факт таго, што юрыдычна гэты падзел перастаў існаваць пасля надання Віцебску магдэбургскага права і аб'яднання дадзеных сацыяльных груп у адну мяшчанскую абшчыну. Магдэбургскае права Віцебск атрымаў 17 сакавіка 1597 г. [1, с. 165–170; 2, с. 74–82; 5, с. 108, 192–199; 6, арк. 218 адв. – 224 адв.]. Разам з тым трэба прызнаць, што ў адно імгненне сацыяльныя групы не знікаюць. У гэтым сэнсе цікаваць уяўляе дэкрэт, які быў выдадзены ў задворным асэсарскім судзе ВКЛ 7 красавіка 1600 г.

Справа была ў наступным. 18 лістапада 1597 г. слугі віцебскага гараднічага Станіслава Ваянцінавіча Каменскага ноччу «гвалтоўна» напалі на маёнтакі Жарскі і Матшыніцкі віцебскіх мяшчан Радкі Паўлавіча, Стэфана і Івана Арцёмавічаў Жарскіх і Гапона Грыгоравіча Матшыніцкага. У час нападу мяшчане і іх сем'і, прыслуга былі збіты, а яны і іх рэчы былі забраны нападаючымі і адвезены ў маёнтак Каменскага Палогі. Мяшчане былі пасажаны Каменскім у вязенне ў турму, якіх ён «в ланцугах оковах держал», пры чым адзін з мяшчан, Улас Іванавіч Матшыніцкі, дзядзька Гапона, ад пабоў памёр [7, арк. 98–106 адв.].

Напад быў ажыццёўлены пасля атрымання Віцебскам магдэбургскага права, разам з тым пра гэты факт у справе не згадваецца (толькі пры вызначэнні памеру галаўшчызны ў 30 коп гр. за забітага суд кіраваўся палажэннем Статута ВКЛ (арт. 6 раздз. 12) адносна мяшчан магдэбургскага права [7, арк. 106]). Разам з тым, вышэйзгаданыя віцебскія мяшчане характарызуюцца як «мешчане нашы (*гаспадарскія* – А.Д.) места упрывелеяванага Віцебскаго» і іх сацыяльны статус як «конныя» нідзе не акрэслены. Але, што гэта былі менавіта яны, сумленняў не ўзнікае (гаворачы больш дакладна – гэта былі былыя конныя мяшчане), бо яны валодалі маёнткамі па-за межамі горада. Відаць судовы дэкрэт не называе іх коннымі менавіта з-за ўвядзення магдэбургскага права ў Віцебску, якое, як адзначалася вышэй, аб'яднала конных і паспалітых у адну мяшчанскую абшчыну, члены якой мелі аднолькавыя правы і абавязкі). Гэты факт сведчыць менавіта пра тое, што як асобная сацыяльная група конныя мяшчане перасталі існаваць пасля 1597 г. Важнай з'яўляецца характарыстыка ў дакуменце маёнткаў мяшчан як «ымена их власные здавна отчызные и дедизные ... в воеводстве Витебским под правом места Витебского лежачые» [7, арк. 98 адв.], якая сведчыць пра тое, што землі былых конных мяшчан па-за межамі горада – «пасельскія» – пасля ўвядзення магдэбургскага права засталіся «под правом места Витебского», г.зн. на іх распаўсюджвалася магдэбургскае права.

Пасля нападу, віцебскія мяшчане 20 лістапада 1597 г. звярнуліся ў гродскі суд Віцебскага ваяводства з скаргай аб «наездзе» і прадставілі пасведчанні вознага Віцебскага ваяводства Юрыя Захарчынскага аб аглядзе «ран и знаков бою на Радку Жарском а на небошику Власе Ивановичу». Мяшчанам былі выдадзены з гродскага суда выпісы аб іх скаргах і пасведчаннях вознага аб пабоях, як і возным быў складзены рээстр шкод мяшчан. Дадзены факт выклікае цікавасць: чаму віцебскія мяшчане звярнуліся менавіта ў гродскі суд і чаму нідзе не згадваецца